

МИФ ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ

Монтсеррат Кабалье в ситуации «стадиона»

Независимая газета. 2001. — 13 марта. — с. 7

Михаил Жирмунский

МОЖНО лишь сожалеть, что Монтсеррат Кабалье, приезжая в нашу страну, никогда не поет для простого слушателя, а последнее время перестала появляться в залах с естественной акустикой. Хотя пение в микрофон в новом зале Гостиного Двора предполагает расширение аудитории до 4 тысяч человек, зал далеко не заполняется из-за нереальных для многих любителей цен на билеты. То, что даже в ситуации микрофонного пения на «стадионе» не меркнет миф 67-летней певицы, и заставляет желать, чтобы ее успели услышать как можно больше людей, пока она еще находит в себе силы выходить на сцену.

Миф Монтсеррат Кабалье — один из ярчайших в музыкальном искусстве столетия в силу неоспоримо божественного вмешательства в природу ее нереально красивого голоса. Этим она и отличается от большинства самых выдающихся личностей оперного мира, обогативших культуру великими идеями: все ее творчество имеет «медиумическую» направленность на духовное откровение, что лишь подчеркивает ее сценическая статичность и внутренняя бесстрастность. Соприкосновение с этим мифом дает необычайно много даже тогда, когда певица, давно пережившая расцвет, является лишь легким отблеском «той» Кабалье. Последнее время в своих появлениях она устранила один из главных факторов своего воздействия — уникальные акустические свойства своего голоса, естественным образом заполнявшего большие театральные залы. Усилители сглаживают разницу между мастерски сформированным полетным звуком и «комнатным» пением, рассчитанным только на близлежащего соседа. Объективно говоря, нынешнее состояние голоса Кабалье не позволило бы ей прозвучать «вживую» примерно в половине из предлагаемого ею репертуара, тем более в сопровождении большого оркестра. Это касается прежде всего молитвы с хором «La Vergine, degli angeli» из оперы Верди «Сила судьбы», где чистота мелодии требует объемного меццо-вока, а не узкого пиано. То же самое можно сказать и о финальном номере объявленной программы, заводной песенке про тарантула из сарсуэлы Хименеса «Ла Темпраника». Кабалье вызвала овации зала, щелкая пальцами, будто кастаньетами, хотя скороговорка и покрикивание вместо пения для нее были совершенно неизбежны на столь быстрых темпах. Но, стоя перед чутким микрофоном, она может себе позволить не задумываться о стабильности выходящего звука воздушного потока, зная, что в любом случае будет услышана. Напротив, совсем иначе, без всякой «химии», прозвучали более простые для дыхания, но захватывающе мелодичные вещи: ария из оратории Массне «Дева Мария», которую мы, кажется,

Перед чутким микрофоном Монтсеррат Кабалье может не задумываться о стабильности звука. Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

вообще ни разу не слышали, «Аве Мария» на музыку «Интермеццо» Масканьи и песня «Завтра» Рихарда Штрауса, единственного немца, которого так точно чувствует южанка Кабалье.

Но все же, при соприкосновении с мифом Кабалье, не менее объективна и реальность иного рода — весомость ее любого появления на сцене. Два прошедших в Гостином Дворе концерта Кабалье дают основание заключить, что Кабалье пока что далека от того, чтобы использовать лишь магию своего имени, а по-прежнему зарабатывает свой успех. В ее пении слушатель может по-прежнему узнать знакомые божественной красоты обертоны голоса и мягко очерченную фразу, исполненную возвышенного покоя. Можно только радоваться, что она не боится конкуренции с собой времен своих триумфов и дает то, что осталось: многого стоит хотя бы одна нота в финале большой сцены из «Отелло» Верди, летящая в зал поверх микрофонов. Есть и еще один момент концертных выходов певицы — ее неподражаемое обаяние, беспронимно укладывающее публику на обе лопатки. Приезды звезды в Москву последнее время участились и сопровождаются неизменными

пресс-конференциями, где ее можно видеть вне сцены. Там она предстает пожилым человеком, безнадежно утомленным всеми и всем, заставляет вспоминать газетные описания ее недугов, ужасающих многообразием и серьезностью. Все ее слова чересчур идеально соответствуют благотворительным намерениям и поражают своей откровенной неискренностью. Так где же эти царапающие острыми искрами светлые глаза берут то теплое бархатное сияние, которым она завораживает зал? Откуда к ней приходят неподдельно заразительные юмор и жизнерадостность? Видимо, жизнь мифа и теплится в этой зоне неизвестности. По крайней мере из всех участников гала-концерта она одна в состоянии заставить публику хлопать в такт «Застольной» из «Травиаты». В одной только Москве мы уже наблюдали это много раз, а ей все не надоедает заводить зал этой музыкой, зал же в который раз не может перед ней устоять.

В своих концертах Кабалье по-прежнему поет немало, хотя и возит за собой неизменную «группу поддержки». Это ее дочь Монтсеррат Марти, очаровательная девушка с хорошо организованным небольшим голосом. Хотя он и окрашен у нее

приятно, но в пении она ровно холодна (бесстрастная Джульетта в дуэте из оперы Гуно) и потому не волнует: именно в таком ключе приходится понимать рекламный слоган «Два голоса — одно сердце» на совместном диске двух Монтсеррат. Литовское меццо-сопрано Номеда Казлаус (еще в недавнем прошлом именовавшаяся Казлаускайте) спела с Кабалье «Уж вечер» из «Пиковой дамы» на русском языке, который сильно отвлекает примадонну. Полноценного дуэта не получилось; кроме того, голоса не сливались из-за микрофонной акустики, и слушать пение можно было только по отдельности на выбор. Молодой тенор Оскар Марин — типичный пример современного певца, одаренного от природы, прошедшего класс совершенствования мастерства, где ему преподали стилистические нюансы подачи итальянской кантилены, но миновавшего сам процесс обучения пению. Редкие фразы звучат у него без напряжения, середина голоса провалена. Уроков стиля для исполнения с Кабалье дуэта из «Веселой вдовы» на немецком языке он не брал, хотя умело исполнил с сияющей примадонной положенный здесь тур вальса. Вместе с Кабалье также выступили молодой скрипач-виртуоз Антон Сороков и пианистка Мария Терина, аккомпанировавшие в песне Штрауса, и совершенно лишней здесь эстрадный певец Александр Грин, крайне неудачно пытавшийся петь по-оперному «закрывать» «Аве Марию» (к сожалению, легендарная певица часто стала подпускать к себе коммерчески раскручиваемых поп-звезд не самого высокого класса). Дирижером, привезенным на этот раз в Москву, был итальянец Антонио Гуаданьо, чисто оперный мастер старого закала, дирижировавший для Кабалье еще в начале ее творческого пути.

По силе впечатления с главной участницей концерта было сопоставимо лишь соло маленького Вячеслава Шарапова в «Жертве вечерней» Павла Чеснокова. На сцену его вывел Виктор Попов, столп современного хорового искусства. Руки хормейстера словно валяли верную интонацию гигантского хора, превращая церковное пение в чисто концертное явление, чуждое всякой религиозности. Но чистый отрешенный голос ребенка создавал молитвенную атмосферу, которая по-настоящему задела зал. Она в большей мере соответствовала сути творчества самой Кабалье. Вернее отражала цель всей акции фонда «Мир искусства», как всегда, посвященной детям-инвалидам, присутствовавшим и в зале, и на сцене. Может быть, не стоило разрушать ее традиционный завершение, песней Вангелиса «Идите со мной». Кабалье сама написала к ней слова, превратив этот маршеобразный «гимн благотворительности» в бодрый и не самый возвышенный символ своих московских концертов.

13.03.2001
Кабалье Монтсеррат